

Хейдари Марзийе

**РУССКОСТЬ - ВСЕМИРНОСТЬ В ЦЕННОСТНОМ (АКСИОЛОГИЧЕСКОМ) ПОЛЕ ГЕРОЕВ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ПЛАТОНОВА 1920-Х ГОДОВ**

Статья рассматривает русскость - всемирность в аксиологическом поле героев фантастических произведений А. Платонова 1920-х годов. Изучается двойственность персонажей, обобщение в них того, что зиждется изначально на русской почве и неразрывно связано с русским менталитетом, но при этом одновременно является широким, общемировым, стремящимся к глобальному. Изучаются живописные пейзажи и их этно-феноменологическая характеристика. Внимание уделено историческому контексту как ключевому фактору, повлиявшему на создание образов платоновских героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 256-258. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Статья рассматривает русскость – всемирность в аксиологическом поле героев фантастических произведений А. Платонова 1920-х годов. Изучается двойственность персонажей, обобщение в них того, что зиждется изначально на русской почве и неразрывно связано с русским менталитетом, но при этом одновременно является широким, общемировым, стремящимся к глобальному. Изучаются живописные пейзажи и их этно-феноменологическая характеристика. Внимание уделено историческому контексту как ключевому фактору, повлиявшему на создание образов платоновских героев.

Ключевые слова и фразы: А. Платонов; русскость; всемирность; аксиология; фантастические произведения.

Хейдари Марзийе

*Московский педагогический государственный университет
heidarimarzieh@yahoo.com*

РУССКОСТЬ – ВСЕМИРНОСТЬ В ЦЕННОСТНОМ (АКСИОЛОГИЧЕСКОМ) ПОЛЕ ГЕРОЕВ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ПЛАТОНОВА 1920-Х ГОДОВ

Интерес к национальной истории, родной земле и природе всегда сопутствовал творческому поиску А. Платонова. Отношение писателя к ходу исторических событий Великой русской революции 1917 года проявилось в авторском творчестве через аксиологические аспекты изображения родной земли и всего мира, находящиеся на сложных путях исторического развития, что свидетельствует о том, насколько значимыми являлись для А. Платонова судьба страны и счастье народа в данный период. Н. Корниенко об отношении писателя к революции 1917 г. пишет так: «Андрей Платонов принадлежал к той генерации художников, путь для которых в литературу открыла революция. Как кардинально новый этап в развитии России и мировой истории воспринял ее и молодой Платонов. Тема апокалипсиса истории неразрывно соединяется для него с революцией, как пассионарным взрывом, толчком к внесению высшего смысла в человеческую, природную и космическую жизнь» [2, с. 15]. При определении отношения А. Платонова к революции 1917 г. можно указать на мнение Я. Солдаткиной. Исследовательница отношение А. Платонова к революции считает мистическим, которое порождает специфическое, мифологически окрашенное понимание коммунизма как утопического рая, сочетающего в себе черты народных утопических верований и христианской эсхатологии [7, с. 59]. Отмечаем, что Я. Солдаткина предлагает мифопоэтический подход к изучению русской эпической прозы 30-50-х годов XX века.

Фантастические произведения А. Платонова 1920-х гг. отражают мировоззренческие и философские взгляды молодого автора, герои которого пытаются познать себя и окружающий мир и этой силой сознания преобразовать природу. Характерно, что в произведениях данного периода мы можем встретить детальное описание жизненных реалий русского народа и национального бытия. Оно представлено деталями патриархального уклада народной жизни и родной природы, который сопряжен с укладом промышленно-заводским. В результате данного противоречия между стремлением к лону природы и необходимостью развития технического прогресса рождается образ российского поселения. «По вечерам в слободе звонили колокола родными жалостными голосами, и ревел гудок, и приходил отец с работы...» [5, с. 197].

Живописные пейзажи, нередко обозначенные как русские, имеют свою особую этно-феноменологическую характеристику, хотя и соотнесены с христианским календарем и открыты масштабным планетарным явлениям: «От вокзала до города Ржавска было три версты. Фаддей Кириллович прошел их пешком: он любил русскую мертвую созерцательную природу, любил месяц октябрь, когда все неопределенно и странно, как в сочельник накануне всемирной геологической катастрофы» [Там же, с. 488].

В рассказе «В звездной пустыне» из скромного полевого пейзажа картина мира перерастает во вселенскую, а «музыка» коллективного труда превращается в симфонию преобразования бескрайней вселенной: «Был глубокий вечер и звезды. От звезд земля казалась голубой. Звезды стояли. Игнат Чагов шел один в поле. Далеко дышал город, который Чагов так любил за его мощные машины, за красивых безумных товарищей, за музыку, которую вечером слышно в полях, за всю боль и за восстание на вселенную, которое в близкие годы вспыхнет по всей земле.» [Там же, с. 176].

В приведенных выше фрагментах мы можем наблюдать характерное для ранних текстов А. Платонова синтезирование местного локального с мировым масштабным.

Популярные персонажи в прозе А. Платонова 20-х годов чаще всего представляют собой тип полудеревенских мастеровых: это вышедшие из деревни ремесленники, машинисты и «сироты». В контексте анализа душевного состояния этого типа героя стоит отметить, во-первых, его крепкую связь с Отечеством и, во-вторых, поиск собственной индивидуальной и неповторимой дороги к Истине. Этот общенациональный характер героя А. Платонова напоминает читателю тех людей, которые боялись после революции остаться без смысла жизни в сердце. Но, в конечном итоге, именно они оказываются неприкаянными и устремленными от насущного к высшему, от «здесь» к «там». Вероятно, именно поиски смысла существования во многом задают наиболее яркое и, одновременно, типовое проявление народного характера в раннем творчестве писателя.

Еще одной характерной чертой платоновских героев-скитальцев является то, что обычно они готовы сепарироваться от деревни, порвать с нею во имя будущего и преобразования мира. Н. Малыгина об этом говорит: «Странничество у Платонова означает прежде всего потребность людей обрести смысл жизни» [3, с. 162]. Для постижения смысла жизни и истины платоновскому герою жизненно необходимо отправляться в дорогу.

Таким образом, в прозе Андрея Платонова в 20-30-х годах XX века формируются следующие художественные образы: бродяга, дорога, даль, странник и путник. И по утверждению А. Дырдина, исследователя творчества писателя, все указанные образы являются результатом преобразования основного мотива скитальчества в ранней прозе А. Платонова. Исследователь обращает наше внимание на то, что русский человек в силу исторических обстоятельств постоянно находился в духовном и географическом движении. Таким образом, идея странничества у А. Платонова имеет глубокие национальные корни, которые находятся, по его мнению, в русском историческом правдоискательстве. Именно через эту формулу у нас есть возможность найти понимание мироощущения народа, его представлений о конце света, которые выражены писателем в апокрифах, преданиях и духовных стихах [1, с. 95]. Парадоксально, но скитальчество нередко «простоветых», часто вышедших из низов, героев у А. Платонова «отзывается» на скитальчество героев-интеллектуалов в русской культуре, о которых говорил Ф. М. Достоевский в своей знаменитой пушкинской речи в 1881 году. И все же, полнота русского национального характера у А. Платонова выражена по-особому, с оглядкой на «почву», если понимать под нею глубинную, зачастую – генетическую связь с малой Родиной, а точнее, с землей.

О народном характере в творческом наследии А. Платонова литературовед В. Скобелев отзывается следующим образом: «Близкий писателю вариант народного характера возникает тогда и постольку, когда и поскольку герой вырывается из земного притяжения крестьянской действительности» [6, с. 57-58]. Он предполагает, что причины этого «выламывания» могут находиться в реалиях событий революционного времени и периода гражданской войны: «Когда в качестве сопутствующих явлений возникали голод и разорение, духовный поиск нередко приобретал облик мучительной напряженности – за то или иное решение приходилось расплачиваться по неслыханно высоким ценам. И человек народа расплачивался – и собственной жизнью, и жизнью семьи, жизнью таких же, как он, мужиков» [Там же, с. 61].

Г. З. Литвин-Молотов, издавший в 1922 году первый сборник стихов А. Платонова под названием «Голубая глубина», изумительно точно определил идейную двойственность русских героев в стихах фантаста, уловил и намечавшуюся типологию персонажей в целом эпической прозы 1920-х годов, а не только лирических текстов. Критик отмечает: «Платонов – плоть от плоти и кровь от крови не только своего слесаря-отца, но и вообще русского рабочего. У него – как и у этого молодого гиганта, познавшего коллектив, машину, производство, но еще не порвавшего с деревней, не освободившегося от “тяги к земле”, – два перепада: фабричного гудка, потной работы, мускульной отваги, коллективного творчества, мощи Нового Города, с одной стороны, и поля, степи, голубой глубины, ржаных колосьев, “Мани с Усмани” и большой дороги со странником Фомой – с другой» [8, с. 31].

Народный характер героев фантастических произведений А. Платонова содержит в себе любовь и к родным просторам, и к русской равнине, и к деревенско-городскому быту, а также просматривается через простор общенародного чувства, в любви ко всем людям, ко всему, что их окружает. Эти отличительные признаки вырисовываются писателем в характере героя рассказа «Маркун», условно говоря, «предфантастического», где родные люди, скромный быт слободского дома и природа словно подталкивают персонажа к созданию новой машины, способной, согласно его идее, дать невиданную энергию людям. Герой нередко уходит из деревни в мир, к людям. Его волнует судьба народа, он пытается преобразовать мир окружающий, чтобы попробовать достичь вершины человеческой эволюции: «Земля, с развитием человечества, становилась все более неудобна и безумна. Землю надо переделать руками человека, как нужно человеку. Это стало необходимостью, это стало вопросом дальнейшего роста человечества» [5, с. 198]. Герой-преобразователь готов жертвовать собой ради спасения человечества и несет на своих плечах всю тяжесть ответственности за благотворную жизнь человечества на земле.

На наш взгляд, важным в воплощении народного образа героев является и то, что герой переживает за все человечество и стремится освободить всех людей от силы природных стихий, несмотря на их национальную принадлежность. В научно-фантастических произведениях А. Платонова герой-преобразователь пытается воплотить свои научные проекты в мировых масштабах: действие происходит как в России, так и в некоем незнакомом государстве или населенном пункте. Вспомним начало рассказа «Лунные изыскания (Лунная бомба)»: «Сын шахтера, инженер Петер Крейцкопф в столице своей страны был первый раз. Вихрь автомобилей и свист надземных железных дорог приводил его в восторг. Город должен быть населен почти одними механиками. Но заводов было не видно...» [Там же, с. 100]. Герои рассказа носят зарубежные, весьма несвойственные русской традиции имена. Городской пейзаж описывается похожим на столицу, но название города не упоминается. Сама фамилия главного героя – Крейцкопфа – созвучна с названием механической детали. Зато сюжет здесь универсален – очевидно обращение к космическому вопросу начала XX века. Писатель стирает представления о границах государств и наций, его персонажи работают на весь мир. С этой позиции вполне логичной становится возможность перехода героев фантастических текстов А. Платонова из одного произведения в другое, а также повторение сюжета. Так, например, Крейцкопф со своим изобретением упоминается в повести «Эфирный тракт».

Главные герои повести «Эфирный тракт» проживают в России, но это не ограничивает их перемещение по миру. Мы видим, что инженер Михаил Кирпичников в поиске возможного способа создания эфирного тракта покидает родную страну и переезжает в США. Глобальный поиск героем истины в странствиях по просторам своей Родины, а также и на американской территории показывает, что для него сам поиск важнее конкретного места или страны. Вероятно, будет справедливо отметить, что странничество в этой повести достигает высшего уровня развития. Сын Кирпичникова, который продолжает не законченный отцом научный проект, в письме к матери так объясняет цель своей жизни: «Ты знаешь, что я делаю и ищу – корень мира, почву вселенной. Откуда она выросла. Из древних философских мечтаний это стало научной задачей дня. Надо же кому-нибудь это делать, и я взялся. Кроме того, ты знаешь мои живые мускулы, они требуют напряжения и усталости, иначе я бы затомился и убил себя. У отца тоже было это чувство...» [Там же, с. 557].

В повести «Эфирный тракт», как нам кажется, следует отметить наличие переплетения элементов всемирности и всечеловечности с элементами национальности и народности. По утверждению Н. Корниенко, в тексте «Эфирного тракта» присутствуют знаки полемики в рамках концепции 20-х годов об историческом пути России и о социально-психологической эволюции человека из народа. В своеобразной историко-географической карте России, что напряженно вычерчивалась Платоновым в 1926 году, пишет исследователь, есть одна особенность: его интересуют прежде всего процессы народоведения, которые проявляют себя во взаимосвязях человека и ландшафта, в способах хозяйствования, характере метафизических запросов людей разных профессий: «...здесь и паломники на Афон 20-х годов, и ученые, и этические пассионарии техники (Петропавлушин), и мещане с их приверженностью консервативной традиции» [2, с. 43] (отсюда, думается, и та разнородность, что характерна для поэтики «Эфирного тракта»). Также стоит отметить, что в фантастических произведениях А. Платонова персонажи обычно не рефлексируют по поводу своей национальной принадлежности. В поле зрения героя находится только решение вопроса об освобождении человечества от рабства стихий природы, переделка мира в пользу человека. Герои работают на весь земной шар, главное для них – это постижение себя, окружающего мира, работа во имя вселенского будущего.

Таким образом, русскость проявляется в ранних произведениях А. Платонова посредством портрета природы русской земли в сравнительно-сопоставительном контексте со вселенской масштабностью, а личностные портреты героев-изобретателей поражают своей свободой мысли, смелостью преодоления географических ограничений. Вместе с тем, мы наблюдаем стремление автора размывать границы национальной принадлежности и народности. Даже идея преобразования мира и покорения природной стихийности относится А. Платоновым к достижениям всемирного человеческого разума с обращением взгляда на открытую и смелую душу русского человека.

Список источников

1. **Дырдин А. А.** Потаенный мыслитель. Творческое сознание Андрея Платонова в свете русской духовности и культуры. Ульяновск: УЛГТУ, 2000. 171 с.
2. **Корниенко Н. В.** История текста и биография А. П. Платонова (1926-1946) // Здесь и Теперь. 1993. № 1. С. 15-108.
3. **Малыгина Н. М.** Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 335 с.
4. **Платонов А. П.** Голубая глубина. Краснодар: Буревестник, 1922. 93 с.
5. **Платонов А. П.** Сочинения: в 2-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. 1918-1927. Кн. 1. Рассказы. Стихотворения / отв. ред. Н. В. Корниенко. 645 с.
6. **Скобелев В. П.** О народном характере в прозе А. Платонова // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения / отв. ред. В. П. Скобелев. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. С. 56-74.
7. **Солдаткина Я. В.** Мифопоэтика русской эпической прозы 1930-1950-х годов: генезис и основные художественные тенденции: монография. М.: Экон-Информ, 2009. 356 с.
8. **Шубин Л. А.** Первая школа искусства жить: истоки творчества Андрея Платонова // Вопросы литературы. 1984. № 9. С. 31-61.

RUSSIANNES – UNIVERSALITY IN THE VALUE (AXIOLOGICAL) FIELD OF THE PERSONAGES OF A. PLATONOV'S FANTASTIC STORIES OF THE 1920S

Heidari Marzieh

Moscow State University of Education

heidarimarzieh@yahoo.com

The article considers Russianness – universality in the axiological field of the personages of A. Platonov's fantastic stories of the 1920s. The researcher analyzes personages' duality, manifestation of something which originated from the Russian roots and closely associated with the Russian mentality but at the same time is broad, universal, aspiring to global. The paper focuses on picturesque landscapes and provides their ethno-phenomenological characteristic. Special attention is paid to the historical context as a key factor influencing the formation of images of Platonov's personages.

Key words and phrases: A. Platonov; Russianness; universality; axiology; fantastic stories.